

MS. WILKINSON CALLED ME NEPHEW



BLADEFREGA

МИСС WILKINSON НАЗВАЛА МЕНЯ ПЛЕМЯННИКОМ

Тёплое воскресенье, 23 августа 2026 года, похожее на многие другие.

Быстрый обед — не уступка, а ритуал. Короткий послеобеденный отдых — исключение, допущенное лишь для того, чтобы необычно высокий уровень утренней выработки дофамина вернулся к норме после неожиданного события: сегодня Bing поставил одну из моих страниц на первое место в сети по запросу, связанному с моей матерью, Gillette.

Со второго места смотрит мой дед — и улыбается.

Рассерженным он не выглядит.

Сегодня я к тому же узнал, что Кинг Кэмп Жиллетт покинул этот мир 9 июля 1932 года.

Прочитав эту дату, я чуть не подскочил на стуле.

Мой собственный проект, gillettenarrative.com, родился 9 июня 2026 года.

Через девяносто четыре года после его смерти.

И, согласно договорённостям, которые я заключил сам с собой, за тридцать три года до моего собственного запланированного ухода в 2058 году.

Когда даты начинают сходиться, когда они принимаются складываться с неожиданной точностью, возникает соблазн поверить, что здесь работает какой-то другой алгоритм — с виду мало похожий на те, к которым мы привыкли.

Как всегда в такие минуты, меня сопровождает англоязычный джаз.

Это единственная музыка, которую мой разум принимает естественно теперь, когда гитары и мандолины моей семьи умолкли по обычным законам природы.

Потом я открываю почту.

Резкий удар — прямо в сердце.

Саманта пишет из Лондона.

Она внучка мисс Wilkinson.

Моей тёти Мэгги.

Леди скрещённых мечей.

Женщины, которая совсем недавно, при всей своей семье, назвала меня племянником.

Её письмо простое.

Мисс Мэгги Wilkinson скончалась.

По её собственной просьбе — она знала меня достаточно хорошо, чтобы предвидеть мою реакцию, — известие передали лишь после того, как состоялись похороны.

Мы англичане.

Слеза находит своё место.

Смерть никогда не бывает красивой.

Просто её никогда по-настоящему не ждёшь.

Среди всех женщин, которых я встретил в жизни, эта обрётённая тётя заняла лишь короткую главу.

И всё же её роль была существенной.

Она помогла мне понять, что аристократизм живёт не только в титулах, гербах и унаследованных привилегиях.

Он в манерах.

Он в поведении.

Он в том качестве, которое говорящие по-английски часто называют aplomb.

Для этого есть слово попроще.

Класс.

Я пишу это письмо ей.

Для её семьи.

Для самого себя.

Для каждого читателя, который однажды, может быть, сюда придёт.

И начинаю с одной-единственной фразы, которую помню наизусть:

Мы такие, какие есть, благодаря людям, которых встречаем, и этого у нас никто не отнимет.

Медицинская литература часто злоупотребляет авторитетом, который ей охотно вручают пациенты, нуждающиеся в определённости.

Нередко она говорит нам то, что удобно.

Реже — то, что важно.

Говорят, что у детей от рождения до пяти лет нет воспоминаний.

Что удержать их они не могут, потому что нужные когнитивные структуры ещё не сложились.

По этой теории, каждый из нас должен носить в себе пять лет темноты.

А я помню материнские пощёчины.

Помню пощёчины воспитательниц в детском саду.

Чисел не помню.

Они начинались чётными и никогда не заканчивались нечётными.

Удары, которые мы получаем взрослыми, устроены почти так же.

Их никто не считает.

Память не архивирует их как статистику.

Она тихо кладёт их на хранение в душу.

А годы спустя снимает их оттуда — письмом.

Прощайте, тётя Мэгги.

Пусть вас примут как желанную гостью везде, где теперь продолжается ваш путь.

Мечи остаются скрещёнными до того дня, когда вы пройдёте под ними.

Прощайте.

Ваш племянник.

Нандо-писец

Фердинандо